

Научная статья
УДК 343.13

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ОФОРМЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Олеся Дмитриевна Вастьянова¹, Вячеслав Владимирович Николук²

¹Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия

²Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия

¹vas11le88@mail.ru

²nvv@mail.ru

Аннотация. В статье освещены отдельные вопросы развития системы мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве. Авторами предпринята попытка осмысления и систематизации опыта прошлого в части регламентации мер государственного принуждения, не связанных с заключением под стражу, к лицам, допустившим нарушения уголовного закона. Определены источники формирования перечня ограничений, представленных в мере пресечения в виде запрета определенных действий. В качестве основной предпосылки оформления указанной меры пресечения представлена предыдущая редакция меры пресечения в виде домашнего ареста.

Ключевые слова: система мер пресечения, меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, запрет определенных действий, домашний арест, порядок и условия применения мер пресечения.

Для цитирования: Вастьянова О.Д., Николук В.В. К вопросу об исторических предпосылках оформления в российском законодательстве меры пресечения в виде запрета определенных действий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 135-141.

ON THE QUESTION OF HISTORICAL BACKGROUND REGISTRATION IN RUSSIAN LEGISLATION PREVENTIVE MEASURES IN THE FORM OF A BAN ON CERTAIN ACTIONS

Olesya D. Vastianova¹, Vyacheslav V. Nikoluk²

¹Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia

²National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹vas11le88@mail.ru

²nvv@mail.ru

Abstract. The article highlights some issues of the development of the system of preventive measures in the Russian criminal proceedings. The authors attempted to comprehend and systematise the past experience in terms of regulation of measures of state coercion, not related to imprisonment, to persons who have committed violations of criminal law.

The sources of formation of the list of restrictions represented in the preventive measure in the form of prohibition of certain actions have been identified. The previous version of the preventive measure in the form of house arrest is presented as the main prerequisite for the registration of this preventive measure.

Keywords: system of preventive measures, preventive measures not related to detention, prohibition of certain actions, house arrest, procedure and conditions for the application of preventive measures.

For citation: Vastianova O.D., Nikolyuk V.V. On the question of historical background registration in Russian legislation preventive measures in the form of a ban on certain actions // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Interior of Russia. 2023. № 3(96). P. 135-141.

Поиск разумных пределов вторжения властных механизмов государства в сферу интересов личности, ее прав и свобод вызывает наибольшую сложность в правоприменительной практике. Исторический обзор развития системы мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве в целом свидетельствует о том, что к настоящему времени законодателем осознана необходимость совершенствования порядка и условий применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу. Предпринимаемые законодателем шаги расширяют процессуальный инструментарий, позволяющий минимизировать степень ограничений для лиц, в отношении которых при производстве по уголовному делу отсутствуют основания избрания и применения более строгих мер пресечения [1, с. 23-30]. Данная тенденция направлена на гуманизацию процесса предварительного расследования и судебного разбирательства.

Запрет определенных действий, как мера пресечения, известен российскому уголовному процессу с момента внесения Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»¹ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) некоторых изменений, в результате которых систему мер пресечения пополнил ряд ограничений, перечисленных в ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ:

- 1) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения;
- 2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- 3) общаться с определенными лицами;
- 4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- 5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;
- 6) управлять автомобилем или иным транспортным средством.

В соответствии с ч. 1 ст. 105¹ УПК РФ данная мера пресечения заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 указанной статьи, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов.

Представляется, что при условии надлежащего финансирования и контроля за исполнением возможность назначения меры пресечения в виде запрета определенных

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

действий в качестве основной или дополнительной при избрании залога или домашнего ареста позволит достигать декларируемых целей процессуальных мер пресечения в условиях материальной, процессуальной и временной экономии.

Оценка обоснованности любых правовых реформ нуждается в исследовании исторических тенденций, обусловивших эти реформы, в связи с чем думается, что изучение исторических закономерностей будет способствовать систематизации опыта прошлого в части регламентации мер государственного принуждения к лицам, допустившим нарушения уголовного закона.

Несмотря на то, что Устав уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС 1864 года) – первый кодифицированный источник уголовно-процессуального права в России, представляет собой результат наиболее полной и последовательной реформы отечественного законодательства, документ не содержит четкой регламентации отдельной меры пресечения, способной выступить прообразом запрета определенных действий. При этом в тексте уже имеется указание на то, что подозреваемый (обвиняемый) не имеет права покидать без соответствующего разрешения следователя город или участок, где производится следствие. Также предусмотрены правовые последствия уклонения обвиняемого от следствия – «отобрание вида на жительство или обяание подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства» (ст. 416).

Примечательно, что на основании Устава о паспортах для трудоустройства или прописки считалось обязательным предъявление паспорта или вида на жительство, отсутствие или изъятие которых представлялось надежной гарантией явки обвиняемого к следователю. В соответствии со ст. 419 УУС 1864 года в отношении подозреваемых (обвиняемых), которым избиралась мера пресечения в виде содержания под стражу, дополнительно обдумывался вопрос о лишении всех особенных прав и преимуществ (ст. 19, 21, 22 Уложения о наказаниях).

Перечисленные ограничения можно рассматривать как часть обеспечительных мер, составляющих современное понимание запрета определенных действий.

Следует отметить, что основания и условия применения мер пресечения были детализированы в нормах УУС 1864 года, посвященных регламентации отдачи на поруки (ст. 417), взятия залога (ст. 418), содержания под стражей (ст. 419-420), – другие меры пресечения в данном УУС не представлены.

Советский законодатель, отказавшись от регламентации уголовного процесса нормами ранее действовавшего УУС 1864 года, уже в УПК РСФСР 1922 года¹ кратко сформулировал понятие домашнего ареста, который заключался в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому с назначением стражи и без таковой (ст. 160). Из этого следует, что именно в этот период возникли зачатки дополнительных мер, избираемых одновременно с основными мерами пресечения.

Без изменений указанная норма была воспроизведена в УПК РСФСР 1923 года² (ст. 157). При этом в документе не зафиксировано четких оснований применения домашнего ареста, из чего можно сделать вывод о низкой востребованности рассматриваемой меры пресечения в уголовном судопроизводстве в тот период. УПК РСФСР 1960 года³ вообще не предусматривал меры пресечения в виде домашнего ареста либо какой-либо другой, содержащей подобные запреты.

Дальнейшее развитие мера пресечения в виде домашнего ареста, на примере которой возможно проанализировать зачатки формирования состава меры пресечения

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 157.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: принят ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

в виде запрета определенных действий, получила в УПК РФ с его введением в действие 1 июля 2002 года. Целью возрождения меры пресечения в виде домашнего ареста было сокращение числа лиц, заключенных под стражу, чем планировалось разрешить проблему переполненности следственных изоляторов, а также гуманизации уголовного процесса в части применения мер пресечения в целом.

В своей первоначальной редакции домашний арест предусматривал ограничения, связанные со свободой передвижения, и содержал следующий перечень запретов и ограничений:

- 1) общаться с определенными лицами;
- 2) получать и отправлять корреспонденцию;
- 3) вести переговоры с использованием любых средств связи.

До 2011 года указанная мера пресечения изменению не подвергалась, однако применение домашнего ареста не было активно востребовано на практике, о чем свидетельствуют статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Так, решений об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, по данным за 2004 год, зарегистрировано 838, за 2005 год – 518, за 2006 год – 829¹. В дальнейшем частотность применения данной меры пресечения на территории Российской Федерации демонстрировала тенденцию к снижению, а впоследствии и вовсе носила единичный характер. Сложившаяся ситуация во многом была обусловлена тем, что в УПК РФ 2002 года не было достигнуто полноты и четкости законодательной регламентации содержания рассматриваемой меры пресечения, порядка фактической ее реализации [2, с. 15-16; 3, с. 320; 4, с. 12].

Лишь в связи с нововведениями 2011 года² были устранены недостатки, препятствующие полноценной реализации меры пресечения в виде домашнего ареста: определены органы, осуществляющие контроль за исполнением меры пресечения, конкретизировано место отбывания подозреваемого (обвиняемого), установлены сроки применения домашнего ареста³. Как отмечает М.В. Колесников, применение домашнего ареста стало полностью отвечать назначению уголовного судопроизводства, а также превратилось в полноценную альтернативу заключению под стражу [5, с. 240-247].

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в период с 2015 по 2017 год отмечен значительный рост возбуждения ходатайств и решений о домашнем аресте: 2015 год – 5924 ходатайств, из них удовлетворено 4616; 2016 год – 6857, удовлетворено – 6056; 2017 год – 7339, из них удовлетворено 6442 с тенденцией к незначительным колебаниям в пределах достигнутого диапазона в последующем; 2018 год – 7170, из них удовлетворено 6329; 2019 год – поступило 6965 ходатайств, из них удовлетворено 6037; за 2020 год – 8065 ходатайств, из них удовлетворено 6949, что составило 86 %; за 2021 год поступило 7871 ходатайство, из них удовлетворено 6828, что составило 87 %; за 2022 год – 8563 ходатайства, из них удовлетворено 7408, что составило 86 %⁴.

¹ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2004-2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.05.2023).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420 ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. закон. Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

³ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2004-2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.05.2023).

Последующее развитие системы мер пресечения, а также дополнительных запретов и ограничений, не связанных с заключением под стражу, проявилось в законодательном оформлении меры пресечения в виде запрета определенных действий в 2018 году, так ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ включила в себя в общей сложности 6 запретов, основной массив которых (п.п. 1-3) представляет содержание прежней редакции домашнего ареста. Кроме того, обращает на себя внимание сходство основных формулировок с запретами, обязанностями, ограничениями, являющимися институциональными компонентами условного осуждения (ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), наказания в виде ограничения свободы (ст. 53 УК РФ) и принудительной профилактической меры в виде административного надзора, устанавливаемого в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы¹.

Запрет управлять автомобилем или иным транспортным средством, являясь новеллой для российского законодательства, позволяет предотвратить совершение обвиняемым (подозреваемым) аналогичных преступлений. Отстранение от управления транспортным средством ранее было возможно только в рамках производства по делам об административных правонарушениях либо в рамках уже наложенного административного наказания [6, с. 52].

В результате в 2018 году судами было рассмотрено 908 ходатайств об избрании новой меры пресечения, из которых 877 были удовлетворены, в 2019 году судами рассмотрено 1419 ходатайств, из них 1246 были удовлетворены, в 2020 году – 2117 ходатайств, из них 1850 удовлетворены, в 2021 году – 2924 ходатайства, из них 2565 удовлетворены, в 2022 году судами рассмотрено 3464 ходатайства, из них 3085 удовлетворены с тенденцией к увеличению в последующем.

Также за 2020 год в статистических отчетах были представлены данные о возложении на обвиняемого (подозреваемого) обязанности по применению запрета определенных действий в качестве дополнительной при избрании залога и домашнего ареста, согласно которой в 2020 году поступило 2026 ходатайств, из них 2012 удовлетворены². Приведенные статистические сведения демонстрируют положительную тенденцию увеличения количества ходатайств об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий и их удовлетворения.

Перспективы развития системы мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, видятся в законодательной доработке нормативной конструкции меры пресечения в виде запрета определенных действий, решении ряда вопросов, связанных с регламентацией порядка избрания и применения отдельных ограничений в рамках исполнения указанной меры пресечения.

Таким образом, историческими предпосылками введения в уголовно-процессуальный закон меры пресечения в виде запрета определенных действий послужило расширение перечня мер пресечения в российском уголовно-процессуальном законодательстве в результате введения меры пресечения в виде домашнего ареста, применение которого сопровождалось соблюдением ряда дополнительных ограничений.

В итоге положительная тенденция в практике применения домашнего ареста в определенный период отмечалась рядом авторов [7, с. 25-28; 8; 9, с. 175], однако его развитие в действующей редакции 2018 года видится проблематичным. Вместе с тем следует констатировать, что становление в системе мер пресечения домашнего ареста и

¹ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 апреля 2011 г. № 66-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2004-2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.05.2023).

его трансформация обеспечили необходимую базу для оформления в российском уголовно-процессуальном законодательстве новой меры пресечения на следующем этапе. Появление меры пресечения в виде запрета определенных действий впервые предоставило реальную возможность одновременного использования двух мер пресечения, что, как представляется, позволяет обеспечить баланс интересов правосудия и личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство, учитывая специфику каждого уголовного дела.

1. Булатов Б.Б., Муравьев К.В. Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 6. С. 23-30.
2. Багаутдинов Ф.Н. Новая мера пресечения в УПК РФ – домашний арест // *Законность*. 2002. № 10. С. 15-16.
3. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 320 с.
4. Быков В.М., Лисков Д.В. Домашний арест как новая мера пресечения по УПК Российской Федерации // *Российский следователь*. 2004. № 4. С. 12-14.
5. Колесников М.В. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 2. С. 240-247.
6. Бекетов А.О. Запрет определенных действий как новая мера пресечения в уголовном судопроизводстве // *Законодательство и практика*. 2018. № 2(41). С. 52-56.
7. Антонов И.А., Берзинь О.А., Каширин Р.М. К вопросу об исполнении меры пресечения «Домашний арест» в условиях несовершенства уголовно-процессуального законодательства // *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2017. № 2. С. 25-28.
8. Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения на стадии предварительного расследования: монография. М. Юрлитинформ, 2019. 143 с.
9. Куракина Г.Н. Проблемы реализации уголовно-процессуального законодательства при применении домашнего ареста // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2016. № 2. С. 173-176.

1. Bulatov B.B., Muravyev K.V. Institut mer presecheniya v UPK Rossiyskoy Federatsii: dinamika razvitiya i perspektivy sovershenstvovaniya // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2021. № 6. S. 23-30.
2. Bagautdinov F.N. Novaya mera presecheniya v UPK RF – domashnij arest // *Zakonost`*. 2002. № 10. S. 15-16.
3. Bulatov B.B. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugovnom sudoproizvodstve: monografiya. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2003. 320 s.
4. By`kov V.M., Liskov D.V. Domashnij arest kak novaya mera presecheniya po UPK Rossijskoj Federacii // *Rossijskij sledovatel`*. 2004. № 4. S. 12-14.
5. Kolesnikov M.V. Problemy` primeneniya mery` presecheniya v vide domashnego aresta // *Aktual`ny`e problemy` e`konomiki i prava*. 2015. № 2. S. 240-247.
6. Beketov A.O. Zapret opredelenny`x dejstvij kak novaya mera presecheniya v ugovnom sudoproizvodstve // *Zakonodatel`stvo i praktika*. 2018. № 2(41). S. 52-56.
7. Antonov I.A., Berzin` O.A., Kashirin R.M. K voprosu ob ispolnenii mery` presecheniya «Domashnij arest» v usloviyax nesovershenstva ugovolno-processual`nogo zakonodatel`stva // *Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti*. 2017. № 2. S. 25-28.
8. Axminova Yu.Yu. Domashnij arest kak mera presecheniya na stadii predvaritel`nogo rassledovaniya: monografiya. M. Yurlitinform, 2019. 143 s.
9. Kurakina G.N. Problemy` realizacii ugovolno-processual`nogo zakonodatel`stva pri primenении domashnego aresta // *Sudebnaya vlast` i ugovolny`j process*. 2016. № 2. S. 173-176.

Информация об авторах

Олеся Дмитриевна Вастьянова. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Сибирский юридический институт МВД России.
660131, Российская Федерация, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Вячеслав Владимирович Николук. Главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Доктор юридических наук, профессор.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр.1.

Information about the authors

Olesya D. Vastianova. Associate Professor of the Chair of Criminal Procedure. Candidate of Sciences (Law).

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
660131, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Rokossovsky str., 20.

Vyacheslav V. Nikoljuk. Chief Scientific Associate of Research Centre № 5 of the All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, Honoured Scientist of the Russian Federation.. Doctor of Law. Professor.

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation.
121069, Moscow, 25 Povarskaya St., p.1.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare that there is no conflict of interest.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 18.07.2023; одобрена после рецензирования 17.08.2023; принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted July 18, 2022; approved after reviewing August 17, 2023; accepted to the writing of the article for publication September 15, 2023.